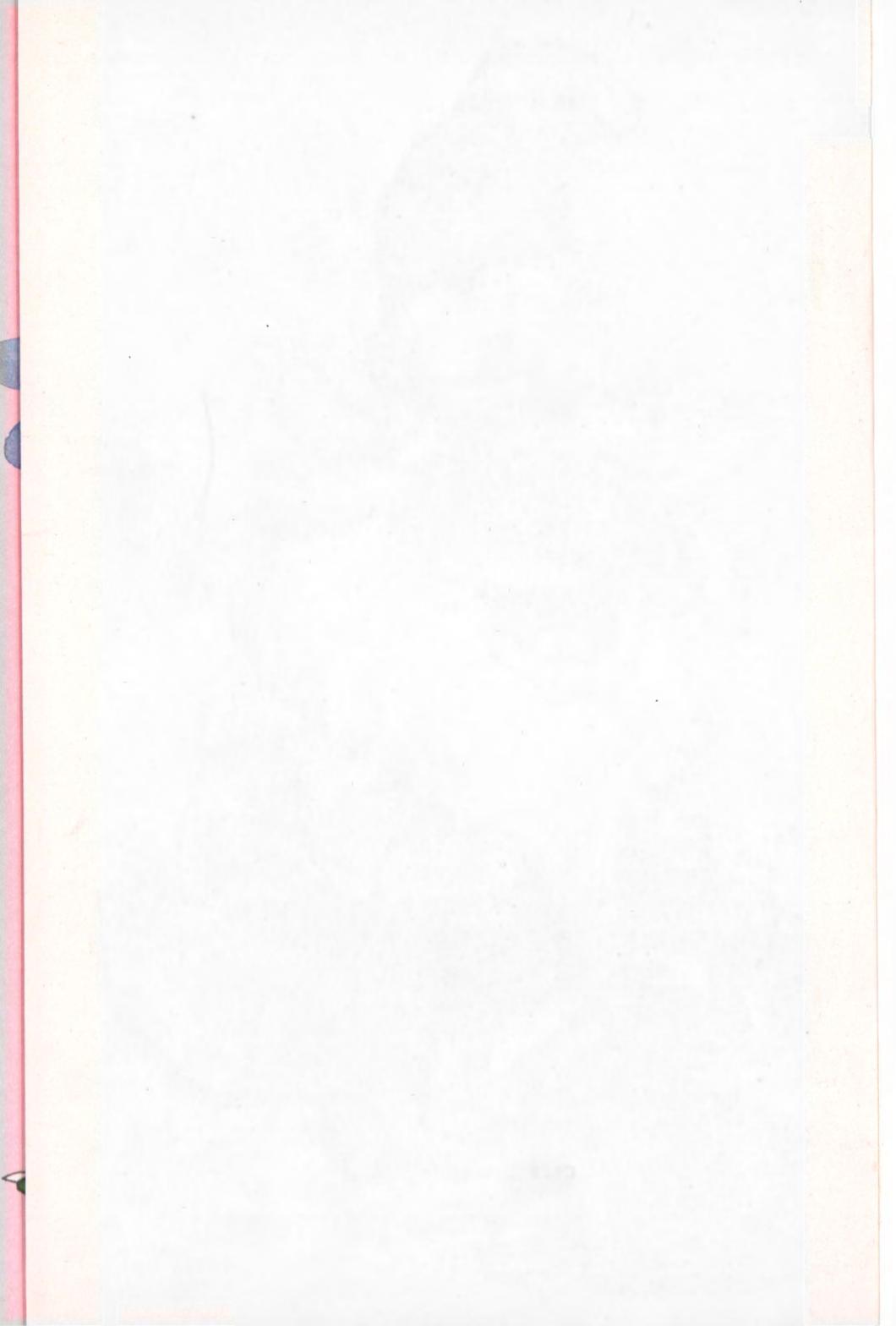

Т. Александрова

КАК КУЗЬКА ДОМОВЬЯТ ПОМИРИЛ

Т. Александрова

КАК КУЗЬКА ДОМОВЯТ ПОМИРИЛ

А. Шахгелдян

Художник

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2003

ББК 84(2)
А 46

ISBN 5-94563-266-X

© Г. Александрова, 2003
© Илл. А. Шахгелдян, 2003
© «Стрекоза-Пресс», 2003

Глава 1

Как домовята заблудились

В избе расписной, нарядной, узорной, в девушке над Быстрой речкой жил-поживал маленький домовенок Кузька. Молод он еще был — и семи веков не исполнилось, а у домовых это все равно, как для людей сказать, что седьмой год идет.

Но хоть и молодой домовенок, но вот дело свое знал: хозяевам помогал, за порядком следил.

Однажды ранним-ранним зимним утречком, когда люди еще крепко спали, проснулся домовенок Кузька, как всегда, прежде всех. Разлеживаться не стал, бодро и весело вскочил. Как будто и не мела за окном метель-пурга неугомонная.

Вылез Кузька из-под печки, в избе хозяйничает, пока никто его не видит. Горшки, сковородки да чугунки домовенок быстренько выскреб, порядок навел, да пыль подмел.

Тут бабка Настасья проснулась, зашевелилась, сейчас печь разжигать станет.

А Кузька уже в конюшне порядок наводит — вчера поздней ночью хозяин из города приехал. Домовенку и здесь надо за всем проследить, лошадок почистить, накормить. А потом можно и гриву им расчесать, в косички заплести — любимое занятие домовых.

Подошел Кузька первым делом к телеге, вдруг слышит — что-то в сене шебуршится.

— Никак опять мышь? — подумал вслух домовенок, обращаясь к стоящей рядом кобылке. — А-я-я-й! Она же лучшее зерно у вас погрызет, жеребеночка маленького напугает. Непорядок!

Но тут среди сена возникла чья-то лохматая

головенка и блестящие черные глазки. Следом за головой появился и весь домовенок в яркой рубашке.

— Белебёня! — завопил Кузька радостно.

Брат дорогой из родной деревушки, друг-товарищ во всех озорных проделках да играх пожаловал! Как тут домовенку не обрадоваться. Прыгает Кузька, скачет, лапотками притоптывает, руками прихлопывает.

Успокоился немного Кузька, да поспешил доброго гостя в избу вести, к себе под печку в красный угол усаживать, яствами-угощениями со вчерашнего дня оставшимися баловать.

Поел Белебёня щи да кашу, закусил пирогами, что бабка Настасья уже испечь успела, да принялся новости рассказывать — с рождения он говорливый был, ни минутки не помолчит, все чего-то тараторит.

— В нашей-то деревне, Кузька, все о тебе скачают, часто вспоминают, приветы передают. Особенно дед Палила, а также Сюр, Вуколочка, Афонька, Адонька, Сосипатрик.

Кузька слушает, гостю не нарадуется. А Белебёня уже тараторит о том, что его в Кузькину деревеньку привело, далеко так занесло.

— Наши-то все кланяются тебя, Кузька, зовут на новоселье, очень просят пожаловать.

Кузька обрадовался:

— Кто ж у нас теперь переселяется, в новую избу перебирается?

— Вуколочка! — важно проговорил Белебенья.

Кузька опять запрыгал от радости. Большое событие для домовых, когда кто-то в новый дом отселяется. Взрослеет, значит, своим хозяйством жить начинает.

Но через несколько минут загрустил домовенок:

— Да как же я, — Кузька даже растерялся, — хозяйство свое брошу? А потом зима, добраться до нашей деревеньки нелегко. Ты-то сам как здесь очутился? — спохватился Кузька.

— Нам воробей Серыш рассказал, что из твоего села в город кто-то приехал. А от нашей деревни до города недалеко. Вот я и добрался потихоньку.

Но вдруг Кузька вспомнил, что рядом в избе хозяин коней собирать будет, в соседнюю деревню за зерном едет. А уж от нее до кузькиной — рукой подать.

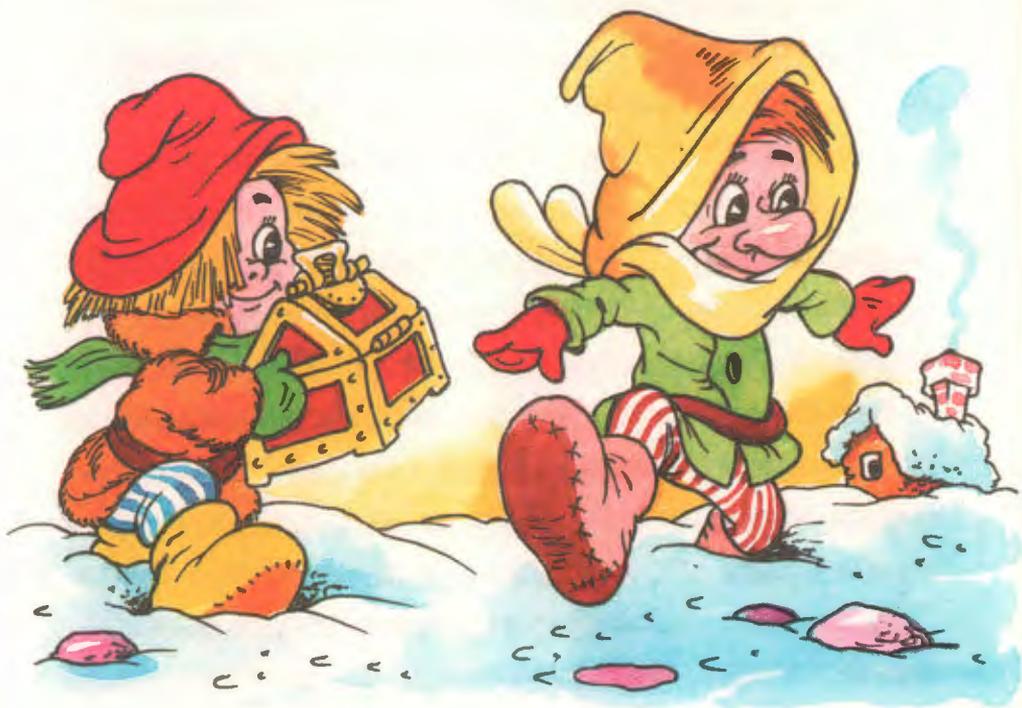
Кузька в дорогу мигом собрался — оделся по-

теплее, подпоясался, вот и готов. И сундучок свой заветный, волшебный взял — авось пригодится, да пирога кусок, чтобы в дороге поесть.

Вскарабкались домовята в сани, да в сене от холода спрятались. Ничего им теперь не страшно — только красные носишки торчат, да черные бусинки-глазки выглядывают.

Не знали домовята, что хозяин передумал и поехал за зерном совсем в другую деревню.

Долго ли ехали, Кузька с Белебеной сами не

поняли. Только проснулись они, а сани въезжают в незнакомую деревеньку, едут к большому крепкому дому. Домовята тихонько соскочили,

да в дом и забежали. Огляделся Кузька — изба большая, а грязная какая! Видать, не следит за ней домовой, хозяевам не помогает.

Отправились первым делом продрогшие домовята за печку — замерзли в дороге. А там домовенок сидит — маленький, лохматенький, невымытый, нечесаный, на гостей с любопытством посматривает, глазками поблескивает.

Белебенья-болтун тут же вперед выскочил, с домовенком познакомился, обо всем принялся ему рассказывать — куда да зачем едут. И познакомиться успел, узнал, что домового зовут Литяней. А Кузька отогрелся и есть захотел — кусок пирога, что они с собой захватили, давно уж съеден.

— Что же это ты, хозяин, — обратился он к Литяне. — Гостей и не поишь, и не кормишь? Не по-нашему это!

— Нечем, — вздохнул домовой. — Бедная у нас деревня, и гостей не угостишь.

— Стоит деревенька на горке, а хлеба в ней ни корки, — тут же сочинил Кузька и недовольно насупился. — Что же это у вас так?

Рассказал домовой им о том, что как-то залетела в деревушку Баба Яга, да и перессорила всех домовых. С тех пор домовые обленились, по дому не радеют, за порядком не следят. И деревушка совсем обеднела.

— Да, — Кузька покачал головой. — Плохо ваше дело.

Все же поискал, порыскал Литяня, нашел сухую корку, угостил домовят. Белебенья же хозяина потешил, рассказал ему обо всех приключениях Кузьки.

Поведал все, что слышал, да и то чего не было прибавил. Так уж расписал, что Кузька от гордости раздулся, нос задрал.

И оказалось, что когда тебя вот так расхваливают, а ты от этого нос задираешь — потом очень нехорошо получается.

Был наш Кузька смелый домовенок, большой выдумщик. Всегда еще трусоватого Нафаню подбадривал. Но теперь, как вы дальше увидите, стал Кузька всех бояться. Но пуще всего того, что его, такого пухленького да румянького, кто-то незнакомый да страшный вместо пампушечки съест захочет. Но давайте продолжим нашу историю по порядку.

Утомились домовята, угомонились в конце концов, да под печку спать и зава-
лились. Заснули крепким сном, никто и не заметил, не подумал, что пока Белебенья о Кузькином волшебном сундучке рассказывал сорока-белобока у

трубы печной грелась да подслушивала разговоры домовых. Уж очень ей интересно было, какие гости в глухую деревушку пожаловали, какие вести привезли. Услышав, как домовята похрапывают, белобока полетела скорей по деревушке всем знакомым новости докладывать.

Позже всех услышал новости старый домовый, дед Скалдыр, что жил на мельнице, на окраине деревушки, у самого леса темного. Ночами ему не спалось, вот и сидел домовый у окошка. Выслушал он прискакавшую к нему ранним утром сороку.

— Скалдыр, Скалдыр, вести-новости, чудеса чудные, диво дивное! — затараторила сорока у окна. — Слышал ли ты, видел ли, к нам заявился богатырь неведомый, страшный-опасный. Кузькой его зовут. Бабу Ягу перехитрил, Дрему болотную одолел и самого Смерча-Неуча! Лешие у него в подручных ходят, во всем подчиняются! А еще есть у Кузьки сундучок — волшебство в нем такое, что как откроешь, так сразу вместо лета зима будет, а вместо зимы лето. Все в мире разом изменится-переменится.

Надоело Скалдыру слушать сорочье стрекотание, шикнул он на болтливую птицу, а сам

задумался. И знал ведь, что сорока соврет — недорого возьмет, а все-таки жуть как захотелось необычного домового увидеть, на чудеса полюбоваться. Посмотрел Скалдыр за окно — во дворе еще темным-темно. Кафтанчик тогда он накинул, да зашагал в сторону того дома, куда Кузька с Белебеңей попали.

Тихонько дед Скалдыр за порог шагнул, прислушался. Спят домовята за печкой. Прошел тогда Скалдыр осторожно, смотрит, где же обещанный Кузька-богатырь, победитель? Видит, лишь маленький домовенок в красной рубашонке посапывает, во сне похрапы-

вает, а рядом другой, тоже спит-сопит. Растерялся было Скалдыр, но затем углядел — у домовенка в красной рубашонке в изголовье стоит сундучок. Ох и красивый сундучок — с блестящими уголками и замочком, украшенный цветами.

Скалдыр тогда схватил сундучок в одну руку, спящего домовенка в другую и быстро-быстро побежал к своей избе.

Глава 2

В чужом доме

Проснулся Кузька — что такое, что случилось? Белебени рядом не видать, Литяни не слышать. Только мыши кругом шебуршатся, нахально усами щекочут, в лицо тыкаются. Отмахнулся домовенок, огляделся. А изба-то не та, где он заснул, чужая, незнакомая изба.

Загрустил маленький домовенок, пригорюнился.

— Ох, беда-беда, огорчение! Один я, одинопшенек. Нет мне пути-дороженьки, не принесут меня домой ноженьки.

Скалдыр присел рядом, послушал и говорит:

— Нечего тебе, Кузька, грустить, печалиться. Будешь теперь со мной жить, мне помогать. Сам видишь — стар я стал, один с делами не управлюсь.

Кузька лишь промолвил тихонько:

— А с Белебеной-то что? Его тоже, как и меня, неведомо куда унесли?

— Ничего с твоим Белебеной не случилось, — усмехнулся Скалдыр. — Я его в проезжие сани положил, сенцом укутал — проснется как раз в городе. А уж оттуда найдет дорогу до своей дедушки, не заблудится.

Повеселел немного Кузька. Не с ним, так хоть с Белебеной все в порядке. Ну а пока, раз уж выбраться-спастись не может, решил Кузька на месте не сидеть, как и положено хорошему домовому, за порядком следить, избу подчистить.

На другой день Кузька проснулся поздно. Выглянул из-за печки, а кругом солнечно, светло. Кузька весело подпрыгнул и радостно заголосил на всю избу:

— Солнышко-ведрышко вышло из-за речки. Быстро по небу пошло, деткам радость принесло...

Хорошо хоть мельника и Скалдыра в избе не было, вот бы они удивились такому ликованию. А радовался Кузька не напрасно: наконец-то метель улеглась и выглянуло зимнее солнышко. Домовенок радостно проговорил высунувшимся из-за печки любопытным мышкам:

— Задумал бежать — так не лежать!

И не тратя времени зря, схватил сундучок и побежал из избы. Только лапотки засверкали, да дверь скрипнула. Бежит домовенок по двору, только не к мельнице, а к полю заснеженному, в сугробах путается, в снег по самую шею проваливается. Бежать по снегу тяжело, устал, запыхался.

Огляделся тогда Кузька. Рядом, оказывается, тропка проложена. Невесть кем проложена, невесть кем хожена. Может, лиса бегала, проверяла, не появились ли еще у мельника курочки. Но для домовенка маленького в самый раз. Ох и побежал по ней Кузька! Ему даже жарко стало.

Глава 3

Девочки-снежинки

Долго ли, коротко ли бежал — сам не понял. Вот только оказался он не в деревушке, куда путь держал, а в лесу темном и страшном. Даже солнечные лучи сквозь мохнатые еловые лапы не проходили. Лишь снег под ногами поскрипывал. Видимо, и вправду лисья тропка была, к норке вела. Неожиданно его ноги заскользили, и Кузька плюхнулся на мягкий снежок, прикрывающий ледяную речку.

Тут домовенок опомнился, осмотрелся. Что делать? Куда идти? Назад пути не найти. Кругом темные огромные ели, загородившие мохнатыми лапами голубое небо. Под ногами только лед.

Остановился Кузька, а мороз тут как тут. Подбирается к маленькому домовенку потихоньку, щекочет ледяными пальцами, залезает под рубашку, под кафтанчик и в лапотки.

Загрустил домовенок. Размышляет. Вот придет весна, проснется Лешик и дед Диадох, а домовенок так и будет стоять здесь, как ледяная сосулька, а когда все растает, провалится под

лед. Кузька даже заплакал от жалости к себе. Сперва тихонечко, а затем на весь лес! Рыдает и голосит:

— Ох, бедненький я, ох, несчастненький...

Так сильно слезами обливается, что ничего вокруг себя не видит. А за спиной его, оказывается, уже давно слышны смешки и тихие, нежные голоски:

— Это кто, кто так голосит?

— Кто лесных жителей пугает, покой нарушает?

— Это, это... неведомая зверюшка?

— Нет-нет-нет! Это пенечек большой, его снегом засыпать забыли, вот он и обижается.

И тут эти невидимые озорницы принялись засыпать Кузьку снегом. Мягонькие снежинки мигом припорошили домовенка. Теперь он действительно стал походить на пенек в большом сугробе. Одни глаза только хлопали, а все остальное под снегом.

— Кто вы? — испуганно проговорил Кузька басом. Обернуться он боялся.

— Ой, ой, пенек разговаривает! — засмеялись неведомые голоса.

Домовенок ощутил, что его овевает легкий

ветерок, и внезапно перед ним предстали полупрозрачные легкие фигуры девочек, словно сотканных из снежинок. У них были белые личики, голубые глаза и длинные русые косы с синими бантиками. Из их широких рукавов беленьких шубок непрерывно сыпались снежинки. Они летали, кружились, скользили перед перепуганным домовенком. Кузька даже

не мог сказать, сколько их, так как снежные девочки ни одной минутки на месте постоять не могли.

— Ты живой... живой... живой... — затараторили вразнобой девочки, внимательно разглядывая Кузькины вытаращенные от удивления глазищи.

— Кто же ты? Кто?

— Я домовый! — важно ответил Кузька, пытаясь стряхнуть с себя сугроб. Ничего не получалось. На нем было уже слишком много снега.

— Нет-нет-нет! — расхохотались девочки и нежными, переливчатыми, словно колокольчики, голосками проговорили:

— Домовые в доме живут. Они злые, красные, жаром пышут и страшные, как огонь! А ты беленький.

— Я не страшный! — Кузька даже обиделся. — И жаром не пышу! То есть не пыху... Не пыхаю. — Кузька совсем запутался. — А вот вы кто?

— Мы снежинки, Деда Мороза внучки, Вьюги, Пурги и Метелицы племянницы.

Домовенок уставился на девочек. Он так и не понял, сколько их, так как полупрозрачные

личики и белые снежные шубки так и мелькали перед его глазами. Непоседы заливались веселым смехом и посыпали все вокруг чистыми снежинками.

— Помогите мне! — жалобно проговорил Кузька, барахтаясь в сугробе. Его лапоточки скользили на ледяной поверхности речки, а пушистый снежок забивался в рот и под одежду. Бедный домовенок совсем продрог.

— А ты правда не горячий? Жаром не пынешь? — опасливо осведомились снежинки. Они боялись прикоснуться к Кузьке.

— Нет, — Кузька стучал зубами от холода. Но на всякий случай одной рукой пощупал другую свою руку. Она совсем не была горячей. Окоченевшая ладошка из последних сил удерживала сундучок.

— Ну ладно. — Несколько девочек быстро подлетели к Кузьке и стряхнули с него снег. Затем, подталкивая его со всех сторон, вытащили на бережок.

— Какой тяжелый! Какой теплый! Какой кругленький! Глазищи-то какие! И не беленький, совсем не беленький! — верещали при этом смешливые девчонки.

Оказавшись на берегу, Кузька вновь плюхнулся на снег. Ему казалось — весь он так сильно замерз, что даже шевельнуться не может. Поэтому домовенок вновь горько заплакал.

— Ой, не ходят мои ноженьки, не шевелятся мои рученьки. Ой, замерзну я здесь в страшном лесу, пропаду пропадом!

Кузька зубами стучит, на холод ворчит. Снежинки закружились, завертелись вокруг домовенка. Лепечут о чем-то между собой. Наконец одна девочка-снежинка подлетела поближе к Кузьке и проговорила:

— Ты, наверное, погреться хочешь? К огню, к жару опасному, ужасному вернуться решил?

— Да!

Кузька с загоревшимися глазами посмотрел на девочку. Сейчас она путь укажет. И действительно, девочка-снежинка продолжала:

— Тогда пойдем с нами. Здесь рядом совсем. Немножко пролетишь с нами и будешь там.

Кузька попробовал было снова подняться, но замерзшие и усталые ноги его уже не держали. Тогда девочки-снежинки сказали:

— Ничего, сейчас придут тетушка Пурга, тетушка Метелица, тетушка Вьюга. Они помогут. Они подкинут, подбросят и долететь поспособствуют.

— Ну нет уж, — рассердился Кузька. — Метель и пурга меня совсем здесь заморозят, снегом запорошат!

Вскочил домовенок и по тропинке припустил. Девочки-снежинки, увидев, как странно он передвигается, вновь захихикали, показывая пальчиками на ноги домовенка:

— Какие странные подпорки! Ты почему не летишь? Лети! Лети с нами!

Но Кузька, крепко прижав к груди сундучок, вначале бежал впереди всех. Хотя куда ему равняться с девчонками! Через мгновение снежинки оказались перед ним и повели домовенка в глубь леса. По дороге они успевали играть в салочки и смеяться, присыпая снежком обнажившиеся ветки елок.

— И зачем только эта зима нужна! — обиженно бормотал домовенок. — Всем от нее плохо, всем нехорошо...

— Что ты, что ты говоришь, — тут же слышали его девочки и возмущенно загалдели.

Они даже замедлили свой полет. — Зима всем нужна — деревьям, полям, зверям.

— Зачем это она нужна?

— Ну как же? А отдыхать когда? Видишь, деревья спят, отдыхают. Трава отдыхает.

— Ну тогда снег не нужен, — домовенок сердито стряхнул снежинки, запорошившие его волосы.

— Ну уж нет! — Тут девочки совсем обиделись. — Смотри, снежок деревья и землю укутал — и им тепло, хорошо. Они как под шубой спят себе и спят. Давай мы тебя снежной шубой прикроем, и тебе хорошо будет.

— Ну, нет уж! Я совсем тогда замерзну. И найдут весной только сосульку. Мне такая шуба не подходит. Мне бы к печке, к теплой.

— Приведем, приведем мы тебя сейчас к этому страшному, ужасному огню.

— Так, значит, там печка? — обрадовался Кузька. — Вот согреюсь-то у огонька!

— А что это такое, печка?

— Ну как же, — важно проговорил домовенок. — Печка это... Это такая штука. Заслонка в ней открывается, дрова туда кидаются, а оттуда огонь вырывается.

Девочки-снежинки внимательно слушали Кузьку, но после его слов вновь обрадовано загалдели:

— Да-да, туда мы и летим. Там что-то открывается — а оттуда огонь, огонь. Только вот мы подлетать не будем близко. — Девочки все приостановились. — Беги вон туда, мимо этой маленькой елочки — пушистые лапки и вон того кустика с красными ягодами. А мы не можем дальше. Мы от огня растаем-таем-таем...

Кузька радостно припустил по указанной ему дорожке. Девочки-снежинки недолго смотрели ему вслед, кружась хороводом вокруг маленькой елочки и присыпая ее снежком. А затем улетели.

Глава 4

Живая печка

Пробежав по дорожке, Кузька вдруг оказался рядом с большущей норой. А в глубине была дверь деревянная, крепкая.

— А где же деревня? Может, я не дошел? — удивился домовенок.

Побежал Кузька вперед — а там лес непрохо-

димый, непролазный. В такие дебри и зайдешь, так сразу пропадешь. Кинулся назад — а нет уже девочек-снежинок, улетели, исчезли.

Где теперь искать путь-дорогу? Стоит Кузька, по сторонам глядит, а куда податься и не знает. Бестолковые снежинки-смешинки совсем не туда, куда надо, Кузьку завели.

Кто в такой пещере жить будет? Человек не поселится — это же не домик. И не избушка, пусть даже и на курьих ножках. Так что и Бабе Яге делать тут нечего. Но и медведь в такой берлоге не спит — уж больно большая. А больше медведя никого в лесу домовенок и не знал. Разве что только леший, может быть, отец маленького Лешонка. Он-то большим может становиться.

А мороз все крепчает, воздух холодает. Вот-вот пурга да метель пожалуют. Все следы заметут, снегом ослепят, дорогу преградят. Что делать маленькому домовенку? Ничего Кузьке не осталось, как только нырять прямо в эту нору. Раз уж снежинки говорят, что там огонь да печка, хоть обогреться можно будет.

Подошел домовенок к двери, постучался кулачками замерзшими. Никто не открывает.

Стучал-стучал, аж устал. А стоять на морозе холодно, до костей пробирает. Повернулся тогда Кузька спиной к двери, да как принялся в нее пятками колотить! Пусть что угодно хозяева делают, только бы пустили погреться у огонька. Недолго домовенок настукивал — после третьего удара дверь заскрипела и приоткрылась. Не намного, но домовенку как раз чтобы пролезть. Не запер, видимо, хозяин свое жилище.

Нырнул Кузька в пещеру, огляделся — а там кто-то точно живет-поживает, добро наживает. Сперва только темно домовенку показалось. А как только глаза к полумраку привыкли, разглядел он большой коридор. Тапочки там домашние стоят. Большие-пребольшие. Кузька бы в такой тапочке речку переплыть смог.

Рядом на гвоздиках три шляпы висят. Шляпы нарядные, парадные. Одна бы упала, Кузьку целиком спрятала, накрыла и следа бы не осталось. Как в домике в ней домовенок может жить. Стул деревянный большущий стоит. Вот и все, что Кузька в прихожей разглядеть смог. И непонятно домовенку — раз одни тапочки, но три шляпы, то, значит, здесь один хозяин,

который тапочки обувает, а шляпы все время меняет? Или же три хозяина-великана. У каждого своя шляпа, но только одни на всех тапочки и один стул. Загадка!

Кузька-то заскочил в нору, от ветра-холода укрылся, но про вежливость не забыл. Во весь голос домовенок кричит:

— Хозяева дорогие, здравствуйте! Гостя принимать, привечать извольте!

Кричал он так, а никто навстречу не вышел, не встретил. Что это значит? Вроде бы и должен кто-то быть — в норе тепло, чем-то вкусненьким пахнет. Но откликаться никто не откликается. Примолк тогда Кузька, решил дальше идти.

Следующая дверь тоже приоткрыта оказалась. Вошел домовенок и очутился на кухне. Очаг большой, над ним котел, а в котле что-то варилось. Ох и большущий котел! Домовенок бы в нем как в озере плавать смог бы.

Смотрит Кузька на это чудо чудное, дивится. А тут вдруг все кругом загудело, зашумело, как будто ветер сильный поднялся, буран закружился. Испугался Кузька, а шум все ближе и ближе. Дверь входная со стуком сама распах-

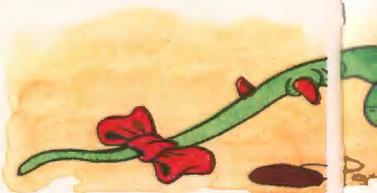
нулась, настезь открылась. Огонь под котлом сильнее загорелся, в котле что-то забурлило, зашумело. А от входной двери голоса громкие Кузьке слышались.

Ох и испугался домовенок! По кухне заметался, забегал. Хотел было за поварешку большую спрятаться — а весь не уместается. Нога или рука остаются на полу. Под половицу — не залезет. Под столом его видно, под стулом еще лучше разглядеть можно.

Забежал тогда домовенок за дверь и очутился в комнате. Спят там, видимо, хозяйева. Забился Кузька под кровать, а сквозь открытую дверь на кухню смотрит — что-то будет? Кто пришел?

Только домовенок скрылся, как дверь на кухню с громким стуком отворилась, и вошло страшное чудище.

Посмотрел Кузька, и в глазах у него потемнело. Большущее, зеленое. Длинный хвост за ним волочится, как за настоящей змеей. На двух лапах стоит, в тапки домашние обутый, двумя лапами к котлу тянется. На спине крылья кожистые сложенные, только перьев не хватает, а то совсем бы как птичьи. На чудище

этом ужасном, громадном, жилеточка надета нарядная, атласная. С золотой каймою, бирюзовыми камнями отделанная. Поясок шелковый, золотом расшитый-вышитый. Загляденье просто.

А голова-то у чудища не одна! Целых три у него головы! Вспомнил Кузька, что в сказках, которые дед Папила и Скалдыр ему рассказывали, такое чудище Змеем Горынычем величали. Только вот не чаял, не гадал маленький домовенок, что ког-

да-нибудь и ему придется такое страшилище увидеть, в его логове оказаться. Даже дышать Кузька боится, лежит под кроватью и трясется.

А Змей Горыныч на кухню вошел, в котле ложкой помешал, правая голова, в желтой шляпе, попробовала. Левая голова в красной шляпе тут же возмутилась:

— Ты чего ешь, а нам не даешь? Опять поперек всех торопишься?

Тут первая голова в желтой шляпе вдруг завертелась, закрутилась. Ноздрями воздух втягивает, глазами по сторонам поглядывает, что-то выискивает:

— Чую я, чую человеческий дух. Кто к нам незван-неждан явился? Кто потревожить решил?

Третья голова в красной шляпе тоже воздух втягивает, переговаривается с первой:

— Ох есть, есть тут дух! Только вот не человеческий, а другой какой-то.

— Почему это другой? — рассердилась первая голова. — Я говорю человеческий, значит, человеческий. Сейчас мы его найдем и съедим!

И так уж голова страшно челюстями клацнула, зубами щелкнула, что Кузька под кроватью чуть под пол не провалился. Жаль только, что

проваливаться дальше было некуда — итак под землей, в норе находился.

А головы все принюхивались. Даже средняя голова, которая до этого все время спала, прикрыв глаза, проснулась и принюхалась. А затем, широко зевнув, сказала:

— Да почудилось вам все. Над деревнями налетались, человечьим духом надышались, вот и напридумывали. Нет у нас никого здесь и быть не может. Давайте-ка лучше поскорее поедим, да спать завалимся.

Первая и вторая голова нюхать прекратили, друг на друга поворчали, а затем есть кинулись. Двумя лапами половник ухватил Змей Горыныч. Правой лапой варево в рот у правой головы отправляет, левой лапой в рот у левой головы. Затем сразу двумя лапами один половник в рот своей средней голове запихивает. А третья голова все время старается себе что-нибудь перехватить, отнять у средней головы. А та все также сонно помалкивает, не возмущается.

А первая и третья голова переругиваются.

Кузька же под кроватью сидит ни жив ни мертв. Смотрит, с каким аппетитом Змей Горыныч ужинает. Представляет себе, как най-

дет сейчас его какая-нибудь голова, увидит и решит закусить маленьким пухленьким домовенком.

Кузька хоть и боялся, а все-таки подметил, что одна голова, которая посерединке, сонная все время. Ничего ей не надо, только бы поспать, а вот левая, третья голова поесть любит. Ну а первой, правой головы домовенок боялся больше всего. Ох и сердитая она была!

Тут Змей Горыныч котел свой опустошил, а из коридора целый мешок притащил. Третья голова тут же так громко слюнки глотать стала, зубами в предвкушении щелкать принялась. Кузька даже глаза закрыл. «Вот оно что! — думает. — Там, наверное, полным-полно маленьких упитанных домовят. А этот страшный-страшный Змей Горыныч сейчас как примется, словно плюшки, домовяток беспомощных трескать».

Кузька уши зажал, глаза закрыл — мученья домовят видеть не хочет. Но не слышно было ни страшных криков, ни плача. Лишь чмоканье и чавканье раздается. А запах! Кажется домовенку, что пахнет сладкими ватрушками, медовыми пряниками и вкусными плюшками.

Кузька один глазок открыл, потом другой. Смотрит — а Змей Горыныч из мешка достал коврижки, коржики, пироги сладкие, медовоягодные плюшки-ватрушки, пышки, крендельки сахарные, лепешки, оладушки. Все свежее, мягкое, пышное. Полный мешок сладостей да лакомств! А коврижки еще сверху медом свежим поливает, плюшки вареньем намазывает и уплетает.

Кузька даже под кроватью привстал от удивления. Так вот чем страшный Змей Горыныч питается, вот чем он увлекается! Не маленькими домовятками, а сладкими печеньями! Вот что он, оказывается, из деревень похищает и к себе в нору тащит.

А Змей Горыныч опять сам с собою переругался. Первая голова правой лапой ухватила медовую плюшку. Плюшка большая, красивая, вкусная. Третья голова, которая больше всех ела, все к себе в рот тянула, тут же левой лапой эту же плюшку постаралась к себе утащить, в свой рот запихать. Чуть не подрались между собой две головы. Если бы средняя не вмешалась, не проснулась, да не успокоила неугомонных, неизвестно чем все бы и закончилось.

Поел Змей Горыныч. Смотрит домовенок — а-я-яй! Какое безобразие! На столе мусору осталось — видимо-невидимо. А чудище убирать ничего не собирается, даже не пытается. Думает Кузька, может быть, со Змеем какой местный домовенок прилетел? Может, он порядок и наведет?

Да только не показалось ни одного домовенка, никто убираться и не стал. Лишь Змей Горыныч подальше от стола отошел, все три пасти свои открыл, да как дыхнул, как огнем полыхнул — весь мусор и загорелся.

«Так вот про какую печку девочки-снежинки говорили! — догадался домовенок. — Действительно, как живая — как откроешь заслонку, так оттуда огонь и летит».

Тем временем хозяин норы, наведя таким образом порядок, завалился на пуховую перинку, под шелковое одеяло спать. Средняя голова тут же захрапела, засвистела. Через некоторое время прекратили переругиваться и две другие головы.

Домовенок хотел уж было вылезти да убежать, куда глаза глядят. Уж лучше ночью в глухом лесу, чем в этой страшной норе со страш-

ным чудищем. Как вдруг почувствовал он, что постель над ним опять заколебалась. Проснулась, видимо, какая-то голова.

Кузька высунул голову из-под кровати и увидел, что третья голова Змея Горыныча, левая, та, которая поесть любит, поднялась уже на своей длинной шее и тихонько потянулась к оставшимся от ужина кренделям и плюшкам.

Две головы спят, похрапывают, а третья тем временем леденцами закусывает, плюшками и пряниками зажевывает. Кузька смотрит, дивится. Понять не может, как одним телом сразу три головы управляют?

Тем временем третья голова все плюшки доела, еле-еле дух перевела, да с размаху на перину плюхнулась. А две другие даже глаз не открыли.

А вот домовенку не поздоровилось. Видимо, так много Змей Горыныч плюшек съел, что не на шутку отяжелел. Перина-то вместе с кроватью под ним и просела, домовенка придавила.

Кузька уж пыхтел, охал, а вылезти из-под кровати никак не мог: пухленький, упитанный — вот и не получается. Закручинился

Кузька, запечалился над своей невеселой долей, да не заметил, как и уснул.

Вот и раздавалось в темноте и тишине пещеры похрапывание. Громкое — Змея Горыныча, а тихое, с присвистом — маленького домовенка. Так и ночь пролетела.

Глава 5

Три головы хорошо, а все же одна — лучше

Ранним утром проснулся домовенок, а Змей Горыныч еще с перины подняться не соизволил. Что делать маленькому домовенку? Сидит Кузька, выжидает. Вскоре проснулась правая голова:

— А ну, лентяи, вставайте!

Средняя голова лишь забурчала в ответ, сладко позевывая:

— Ну вот еще. Может, полежим, на перинках понежиться, подремлем?

— Нет, нет, — строго проговорила первая голова. — Вставать пора, по деревьям летать, порядок наводить, плюшки таскать. А ты чего молчишь, третья голова?

— Ой-ой-ой, — услышал в ответ Кузька, — что со мной случилось, что произошло! Зубы болят, сил нет!

— Что? — грозно закричала первая голова. — Ах, так у тебя, значит, зубы болят? Неужели опять все плюшки за ночь съела? Ой, и у меня теперь живот заболел. Точно, наша обжора все плюшки-крендели за ночь съела.

Змей Горыныч быстренько спрыгнул с кровати и вылетел на кухню. Наконец-то освободившийся Кузька услышал возмущенный рев. Первая голова обнаружила, что третья, действительно, одна съела все сладости и теперь негодовала по этому поводу.

Домовенок не знал, куда и кидаться. Выбежать из норы, пока Змей Горыныч в ней находился, было невозможно. А оставаться под кроватью не только страшно, но и голодно. В животе маленького домовенка громко урчало — вот уже целый день он ничего не ел. Скорее бы чудище это улетило, тогда бы и домовенок выбраться смог.

Но Змей Горыныч передумал улетать. Две головы между собой поссорились, поругались. Лишь вторая, сонная голова, смогла их успокоить.

— Ах ты злодей! — кричала первая голова. — Зачем все съел? Я на тебя какого-нибудь богатыря найду. Пусть он тебя отрубит! Без тебя лучше. У меня теперь из-за тебя живот разболелся.

— Ой-ой-ой! Как у меня зубы болят! А тут еще ты со своими глупостями. Богатырь меня отрубит, а на этом месте тут же точно такая же голова вырастет. Это я и буду! Так что никуда ты от меня не денешься. Неужели за столько лет не выучила?

— Ну что вы кричите, что ворчите, — неожиданно проснулась средняя, сонная голова. — Зачем так шуметь? Вот лучше пожуй.

С этими словами средняя голова достала из кармана что-то и запихала в рот первой голове. Третья голова сама умолкла — у нее болели зубы.

Тем временем первая голова принялась что-то усердно жевать. Домовенок еще сильнее проголодался, глядя на это. Вскоре он понял, что первая голова жует кусочки вкусной и мягкой смолы. Из этой смолы первая голова даже принялась надувать пузыри. Один большой-пребольшой пузырь лопнул, и все три головы разом перепачкались в смоле.

А тем временем Кузька осторожно полез к выходу. Но вдруг ка-а-ак чихнет! В норе хотя весь мусор и сжигался, все равно пыли много набиралось.

Все три головы подскочили, про все боли-недуги забыли, смотрят, оглядываются: одна направо, одна налево, а одна прямо.

— Кто? Кто здесь? Кто?

Глазами страшными пещеру обводят, врага страшного ищут, зубами большими клацают. Дрожит домовенок, боится, а чихать никак не прекратит — пыли много, и вся Кузьке в рот и нос набилась. В один миг Змей Горыныч углядел маленького беспомощного домовенка. Средняя голова, которая как раз вперед смотрела, лениво пробормотала:

— А вон из-под кровати мышь пузатая в красной рубашонке выползла.

Домовенок еще раз чихнул и обиженно сказал:

— Я не пузатая мышь! У меня хвоста нет.

Теперь все три головы внимательно смотрели на Кузьку. Третья голова категорично заявила:

— Мышь не мышь, да какая разница. Есть надо, что тут раздумывать!

И так зубами голова клацнула, так облизнулась, что домовенок в ту же минуту вновь под кровать залез и в самый дальний угол забился. Три головы переглянулись, а затем в один голос сказали:

— Э-эй, мышь, которая не мышь! Ползи сюда, мы на тебя посмотрим.

Домовенок и не подумал. Только чихнул под кроватью еще раз.

Тогда первая голова добавила грозно:

— А ну вылезай скорее! Или сами тебя доставим!

Высунул Кузька голову из-под кровати, смотрит, ждет, что сейчас Змей Горыныч делает. А чудище все три своих головы на длинных шеях с кровати свесило, на домовенка уставилось. Глядит — и правда мышь — не мышь, а что-то странное вылезло из-под кровати в клубе пыли. Кругленькое, чумазенькое, пылью все перепачканное, одни глаза блестят пуговками, да зубы стучат.

Третья голова, которая щеку с больным зубом полотенцем перевязала, мечтательно спросила:

— А ты мягонький, наверное, как пампучка, а сладенький,

как ватрушечка? Может, тебя и медом поливать не надо?

Но Кузька как закричит от страха:

— Я не мягонький, я не вкусенький! Меня даже Баба Яга есть не стала!

— Что? Баба Яга? — очнулась вновь средняя сонная голова. — Родственница наша? Как она там поживает?

Но тут вновь нахмурилась первая злая голова:

— А ты не тот домовенок, который, по словам сороки, Бабу Ягу обхитрил?

Кузька и сейчас решил схитрить, время потянуть:

— Я ее не обманывал, не обдуривал, не обмисуливал! Она меня сама плюшками кормила, когда доброй была.

— Все равно неуважение проявил, — довольно заявила первая голова. — А знаешь, что с такими, как ты, обманщиками делают?

Кузька уж и голову опустил. Надежды у него не осталось. Но тут вступилась средняя сонная голова. Она вытащила откуда-то еще одну жвачку из смолы и запихала ее в рот первой головы. А третьей голове потуже повязку сдела-

ла, так, что та лишь рот пыталась открыть, да ничего не получалось. Потом средняя голова посмотрела на домовенка:

— Скажи лучше, что ты умеешь, что можешь? Для чего в хозяйстве пригоден, а то они тебя мигом съедят.

— Да я все умею, все! — тут же оживился домовенок. — Мы, домовые, за хозяйством, за скотиной следим, порядок наводим, убираться и чистить помогаем, готовить-выпекать способствуем.

— И плюшки печь умеете? — тут же вмешалась третья голова, наконец-то освободившаяся от плотно стягивающей повязки на щеке.

— Умею! И плюшки, и ватрушки, и крендельки, и леденцы, и пряники медовые, коврижки сахарные...

Долго бы еще перечислял Кузька, но тут у Змея Горыныча вновь живот заболел. Все три головы разом заохали, застонали. Наконец, первая злая голова с сожалением проговорила:

— Ну ладно! Если ты нас вылечишь, то, так и быть, оставим тебя в живых и есть не будем! — Голова немного помолчала, с сожалением вздохнула и добавила:

— Ну, во всяком случае, до поры до времени.

— Как это? — не понял Кузька.

— Ну так! — вмешалась вновь третья голова. — Будешь у нас жить, нам служить, крендельки печь, ватрушки выпекать.

— И перину попышнее взбивать! — пробормотала вторая голова, позевывая.

Кузька подумал-подумал и говорит:

— Нет уж! Я вас вылечу, а вы за это домой меня отпустите.

Головы все разом завозмущались, засомневались, но живот-то болит, да и зубы в покое не оставляют. Вот и заговорила средняя голова, а две остальные закивали, подтверждая.

— Ну ладно, но до весны ты у нас поживешь, порядок наведешь. А потом мы тебя куда скажешь, туда и доставим.

Согласился Кузька, а сам боится: вдруг вылечить Змея Горыныча не сможет? А чудище, словно подтверждая, тут же добавило:

— Только попробуй меня не вылечить, от болезни не избавить! Ну, ладно, не стой, не трясись. Лечи давай.

Кузька остороженько подошел поближе к Змею Горынычу и дрожащим голосом заговорил:

— Болезнь зубная, болезнь нутряная, уходи-убегай, в лесу пропадай. К Змею Горынычу болезнь приставучая завтра не ходи, сегодня не ходи, приходи только вчера.

— Ну что? — требовательно проговорила первая голова Змея Горыныча. — Чего замолчал? У меня живот еще не прошел.

— А у меня зубы! — тут же добавила жалобно третья голова. — Может, съесть его? А вдруг от этого выздоровеем?

Домовенок опять забился под кровать и кричит оттуда:

— Это же не сразу помогает, подождать надо!

— Не хочу я ждать! — расшумелся Змей Горыныч. — Ну-ка, лечи!

А домовенок Кузька еще маленький, неопытный. Не знает, чем лечить, как помочь такому чудищу, как Змей Горыныч. Вот деда Папилу бы сюда. Он бы поспособствовал. Но нету рядом деда Папилы, пропадать, наверное, маленькому домовенку в страшной норе.

И тут вдруг дверь норы заскрипела и приоткрылась.

А Змей Горыныч на дверь уставился, в три голоса сразу говоря:

— Это что же за гость к нам пожаловал? Домовенок из-под кровати будет на сладенькое, а этот гость на первое. С него сейчас трапезу и начнем.

Кузька глаза открыл, на дверь посмотрел и остолбенел. Нафаня! Друг его верный из соседней деревни. Как же он у Змея Горыныча оказался?! Каким ветром его в нору страшную занесло?

А Нафаня смело заходит и зовет:

— Кузька! Ты живой еще?

— Нафаня! — вылетел Кузька из-под кровати. Ножками быстро семенит, к другу закадычному спешит. — Он меня съесть хочет!

Змей Горыныч к разговору прислушивается, деловито подтверждает:

— Не будешь лечить, съем! Как пить дать съем. И другом твоим полакомлюсь.

Нафаня чудище оглядел, сразу же увидел, что Змей Горыныч с подвязанной щекой, руками живот придерживает, лежит постанывает. Нафаня тогда смело поближе подошел, Горынычу что-то на ухо прошептал, да в пасть, на больные зубы посмотрел. Змей Горыныч удивился, в кармашек свой залез и оттуда смолу достал.

Нафаня еще раз Кузькин заговор прочитал, смолу на три части разделил и каждую часть в рот головам Змея вложил.

— Жуй или не жуй, а в зубах держи. Если же целый день смолу из зубов выпускать не будешь, то совсем выздоровеешь. А сладкого ешь поменьше впредь, а то и не так зубы болеть станут.

Змей Горыныч челюстями заработал, зубы быстренько в смоле увязли. А Нафаня Кузьку подхватил и за дверь потащил. Змей Горыныч, может, и хотел чего-нибудь сказать, а не получается — зубы в смоле увязли. Ну ничего! Один день чудище сладкого не поест, зато выздоровеет.

Кузька еще и далеко отойти не успел, как важное вспомнил. Сундучка-то волшебного нет в руках! Где потерял, где посеял? А Нафаня из котомки сундучок достает и домовенку отдает. Когда Кузька в пещере растерялся и про сундучок забыл, хозяйственный Нафаня его и подхватил.

Глава 6

Как Кузька от страхов избавился

Вот Кузька обрадовался! Вприпрыжку рядом со старым другом Нафаней бежит, радуется избавлению. По пути кусок сладкой ватрушки со стола Змея Горыныча подхватить успел — ничего, чудищу она сегодня не понадобится. Скачет радостный домовенок и напевает.

Только за дверь вышел, огляделся — а пурги, мороза, метелицы словно и не было. Солнышко ясное, чистое, словно снежком умытое, лучи свои теплые посылает, Кузьку жаром своим согревает. Снег еще, правда, не растаял, но зато его уже меньше стало.

— Весна идет! — удивился домовенок. А потом обратился к Нафане: — А как же ты меня нашел? Как к Змею Горынычу забрел?

— Как, как! — пробурчал Нафаня. — Белебенья к нам прибежал и сказал, что ты пропал. Домовые мне наказали выручить тебя из беды. Говорят, ты Кузьку лучше всех знаешь. Вместе Дрему победили, да Смерча-Неуча. Вот и спасай своего дружка от новой беды. Ну вот, Белебенья рассказал про деревню, где ты пропал. Это

когда тебя дед Скалдыр в дом на мельницу утащил. Потом сорока-белобока всем расстрекотала, что домовенок Кузька попал к Змею Горынычу. А уж путь к Змею Горынычу лиса указала. Она твои следы хорошо запомнила.

— Так я же всего один день в норе был. Когда же ты успел добраться сюда?

— Вовсе не один день. У Змея Горыныча в норе время быстрее летит. То, что там один день, у нас один месяц.

Подивился Кузька, но подумал, что и правда, наверное, не зря же в лес весна идет. Солнышко уже припекает, снежок согревает. Скоро побегут ручейки быстрые, появятся травинки зеленые, набухнут почки и проснется лес. Встанут и лесовики, примутся следить за порядком. А лес, скинув тяжелую зимнюю снежную шубу, оживет, расцветет, преобразится, заиграет красками.

Скачет по подтаявшим сугробам маленький домовенок, радуется. Рядом дружок Нафаня семенит.

Долго ли, коротко ли шли, домовые и сами не знали. Только набрали они на опушку и увидели, что там лес заканчивается, поле впереди расстилается. А за полем стоит маленькая деревушка. Кузька сразу же ее узнал. Та самая деревушка, где Скалдыр жил.

Грустная деревушка. Маленькая. Домишки все стоят покосившиеся, неухоженные. Дворы-огороды травой заросли, сорняками. Не заботятся, видимо, домовые, не помогают. Вот и бедствует деревенька. Наложила Баба Яга заклятие, перессорила всех домовых, довела до беды, поэтому и пропадает деревушка без пригляда, без присмотра.

Посмотрел на это Кузька, закручинился. Упросил Нафаню задержаться в этой деревушке, с Литяней и со Скалдыром повидаться, да и с остальными домовятами познакомиться. Хоть и утащил Скалдыр домовенка в свой дом, да и держал там как в плену, а все-таки жалко Кузьке расставаться не попрощавшись. Вспоминает маленький домовенок все те сказки, которые

успел от Скалдыра услышать. Не злой был старый домовый. Просто тоскливо уж очень ему одному, да и с делами не управиться. Говорит тут Кузька Нафане:

— Хороший он, старый дед Скалдыр. Я, как домой попаду, ему Афоньку или Адоньку пришлю. Они малые еще, несмышленные, дед Скалдыр их научит уму-разуму.

А они помогут старому, в хозяйстве подсобят, в доме порядок наведут. Только надо им сказать, чтобы на мельницу не совались, забавляться туда не бегали. Там и водяной обитает, и молотильник поживает.

Кузька подумал немного и сам себе добавил:

— Да, а к Баннику, что в бане у мельника живет пусть иногда заходят в гости. Помыться, чаек попить. Родственники мы все же. Хотя у банников свои повадки. Сегодня с правой ноги встал, вот и добрый. А встанет с левой — берегись, кипятком ошпарит!

Нафаня только хмыкал на слова Кузьки и прибавлял шаг. Маленький домовенок с трудом поспевал за Нафаней. Кузьке два шага приходилось делать всякий раз тогда, как его друг делал один шаг.

Очень скоро домовые оказались в знакомой деревушке. Кузька вначале поспешил к Литяне — первому их знакомому.

Литяня сидел грустный, только что слезы из глаз не катились. Заметив Кузьку с Нафаней, он повеселел:

— Нашелся, пропащий! А его все ищут! Где же ты был?

— Где я только не был! — гордо проговорил Кузька. — Но прежде чем сказ рассказывать, гостя надобно напоить, накормить. Спать только укладывать не надо. Я у Змея Горыныча на всю жизнь выспался под его кроватью.

Прошли домовые в избу. Литяня и угощение заготовил — щей немножко да каши ложка. Съел Кузька один все угощение, ложку деревянную облизал и только тут заметил, что Нафане с Литяней ничего не осталось. Застыдился домовенок, но друзья уверили, что и им есть не хочется. А Кузьке после такого долгого пребывания у Змея Горыныча подкрепление требуется.

Погладил тогда довольный домовенок свой животик и принялся рассказывать Литяне о своих приключениях. Только ахал в ответ до-

мовой, слушая о девочках-снежинках, да о походе в нору Змея Горыныча.

А как рассказал Кузька обо всем, поинтересовался:

— А что это ты, Литяня, такой невеселый? Может, подсобить в чем?

Вздыхнул только Литяня:

— Завтра праздник. Люди должны весну встречать. Блины печь, солнышко приманивать да потчевать. А у нас опять ничего не будет. Раньше мы тоже гуляли, песни пели, танцевали. А с тех пор, как Баба Яга всех перессорила, да заклятье наложила, так все прекратилось. Сидим все по своим домам, ни общего веселья, ни радости. Да я ж тебе уже рассказывал.

Закручинился Кузька:

— Ох, что за беда такая! Нафанюшка, что же делать, как им помочь?

— Что-то не узнаю я тебя, Кузька, совсем. Какой-то ты неуверенный стал. Хнычешь все время, что делать не знаешь. Видно, захвалил тебя кто-то да и сглазил невзначай. Вспоминай скорей, да избавляйся от беды своей. А потом уж и другим помочь сможешь.

Вышел Кузька из дома, присел на пригретый солнышком пенек и задумался. И вправду, что это он от всех шарахается, всех пугается, да заплакать норовит? А уж про Змея Горыныча и говорить нечего! Как он под его кроватью трясся, вылезать боялся. Что за напасть такая на него нашла, да и когда?

И вспомнил тут Кузька, как они с Белебейной попали в эту деревушку. И как расхваливал его всем братишка, про подвиги рассказывал. А Кузька загордился, заважничал. Так вот, оказывается, откуда болезнь его пошла, в зайчишку-трусишку превратила!

Вскочил Кузька на пенек, три раза на одной ноге покрутился, сказал про себя заветные слова — заговор, которому его еще дед Папила научил. Крепко-накрепко зажмурился, а потом как закричит:

— А вот и я, прежний Кузька!

И лес ему эхом ответил:

— Здравствуй, прежний Кузька!

Раз он прежний Кузька, значит, обязательно помочь должен этой деревеньке.

— А сундучок-то мой на что? — сам себя спросил Кузька. — В нем же такая сила спрятана!

И обрадованный домовенок побежал в избу.

Ухватил он сундучок, подумал немножко, да стал кликать взъерошенного воробья, копошащегося в сене за окном:

— Отрепыш, Отрепыш, лети-ка поближе, дело есть.

— Какое, чирик, дело, чирик? — тут же заинтересовался любопытный воробышек.

— Хочешь помирить здешних домовых?

Воробей задумался.

— Хочу, чирик! Будут мирно, хорошо жить — больше зерна станет. Больше нам перепадет.

— Тогда полетай по дворам. Если домовые хотят увидеть чудо, то пусть приходят в наш двор как можно скорее. Они от Литяни да от сороки-белобоки знают про мой сундучок.

Воробышек улетел, довольно чирикавая. А Кузька принялся ожидать. Через некоторое время за печкой было полно домовых. Даже маленькие домовятки все прибежали. И дед Скалдыр пришел. Ему тоже не терпелось разгадать тайну волшебного сундучка.

И стоят домовые за печкой, и сидят. Друг с другом никто не разговаривает, друг на друга

не смотрят. Но всем интересно, что за волшебный сундучок? Какое он чудо сотворит?

Поставил Кузька сундучок на видное место, попросил домовых:

— Клятву сначала дайте, что никаким злодеям-лиходеям тайну не расскажете.

Домовые дружно за Кузькой клятву повторили, ждут-поджидают, что дальше будет.

— Ну а теперь за мной следом пойте:

Сундучок наш расписной,
Позолоченный, чудной,
Песенку тебе споем,
Расскажи нам обо всем...

Сундучок с тихим перезвоном открылся, и из него полился поток света. Кузька с хитрой улыбкой быстренько положил туда какой-то листочек. Этот листочек он по всей деревушке искал, у девочки из соседнего дома нашел. На листочке девочка свой домик нарисовала-нацарапала и домики своих соседей. Вся деревня поместилась. Как Кузька рисунок положил, так крышка закрылась, и приятный голос проговорил:

— В маленькой деревеньке, далеко от речки жили-были...

И услышали тут домовые рассказ про то, как прилетела в эту деревушку Баба Яга и всех перессорила. Что с тех самых пор не было в деревушке спокойного житья, радостного бытья. Все друг на друга обижаются, друг от друга прячут что-то, показать-рассказать боятся. Домовые дела свои забросили, людям помогать перестали. За порядком уже не следили, не присматривали. Вот беда-то и пришла. Обеднела деревушка, обнищали избушки.

— Не будет склада, если нет лада, — проговорил в конце концов волшебный сундучок и примолк.

Задумались домовые, примолкли. Что-то делать надо. Посмотрели тогда они друг на друга, и засмутились, глаза опустили. После такой долгой ссоры и страшно так сразу руку другому протянуть.

А Кузька и тут не растерялся. Пока все думали да раздумывали, он куда-то убежал, за ним и Нафаня поспешил. Домовые и опомниться не успели, как Кузька вернулся. В руках большущий блин тянет, другой Нафаня несет. Всех они угощают, всех приглашают.

Домовые посмотрели, да за стол-то и присе-

ли. Сидят, едят и незаметно разговорились. Про ссоры и обиды уже не вспоминают. Праздник светлый встречают. Солнышко ясное прославляют.

А только поели — в пляс захотели. Кузька вперед выскочил, подбоченился:

— Кто с нами, кто с нами петъ да плясать...

Домовые подхватили, во двор вышли, в хоровод встали. Только пыль столбом.

Всем радостно, всем весело.

Так и спало заклятие Бабы Яги, так и исчезло зло. Поняли домовые, что надо держаться всем вместе, дружбу беречь.

И пошла в деревне другая жизнь. Домики все чистенькие стоят, хозяйство наладилось,

друг к другу в гости стали ходить, помогать кому надо. И про Кузьку с его волшебным сундучком не забывали. Часто его навещали или приветы ему передавали.

А Кузька вместе с Нафаней до родных своих все-таки добрался. К новоселью, конечно, припозднился, но зато день рождения деда Папылы отметить успел. Погулял, со всеми свиделся, отдохнул, поплясал и попел вволю. А после этого назад, в свою деревушку отправился. Теперь его уже сам Нафаня провожал. Чтобы ничего не случилось, нигде бы Кузька не потерялся.

Вернулся домовенок домой, посмотрел на бабушку Настасью, внучку Анютку, на свой родной двор и проговорил:

— Хорошо в гостях, а дома все же лучше! Больше никуда не пойду! Здесь останусь. Пусть гости сами ко мне ходят — и приветим, и приголубим, и накормим, и развеселим.

— Это ты всякий раз говоришь, когда возвращаешься. А сам без приключений не можешь! — засмеялся Нафаня.

— Ладно, — согласился Кузька, — вот поживу немного дома, порядок наведу, а там посмотрим...

Оглавление

Глава 1

Как домовята заблудились 5

Глава 2

В чужом доме 15

Глава 3

Девочки-снежинки 18

Глава 4

Живая печка 26

Глава 5

**Три головы хорошо,
а все же одна — лучше 38**

Глава 6

Как Кузька от страхов избавился . . . 50

Б
В
Г
Г
В
М
В
Р

Для младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова

КАК КУЗЬКА ДОМОВЯТ ПОМИРИЛ

Сказочная повесть

Художник А. Шахгелдян

Редактор М. Калугина

Художественный редактор Н. Василевская

Компьютерная верстка А. Давидюк

Корректор Т. Тарасова, Н. Бучарова

Подписано в печать 28.11.02. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 4.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсет. Тираж 12 000 экз. Заказ № 3889.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:

(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

www.strecoza.ru

987450 210456 987

*Пришли Кузька с Белебеной
в соседнюю деревеньку.
А там Баба Яга похозяйничала:
рассорила всех домовых.
Так теперь они по своим углам сидят
и нос на улицу не высовывают.*

ЕШУ КАК КУЗЬКА ДОМОВЯТ!
Код: 30766 Цена: 48.60 руб

9 783643 332600 >